

**Гулюк М. А., кандидат ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин БГУИР,
Сергеенкова В. В., кандидат ист. наук, доцент кафедры истории России БГУ**

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В 1914—1917 гг.

Манифест 20 июля 1914 г. «Священное единение». На следующий день после объявления войны сотни тысяч человек с царскими портретами, российскими флагами и иконами пришли на Дворцовую площадь. Они ждали царского манифеста, который был оглашен с балкона Зимнего дворца. В манифесте говорилось, что Россия, единая по вере со славянскими народами, никогда не была равнодушна к их судьбе. Хищная Австро-Венгрия выдвинула невыполнимые требования к Сербии, и, презрев ее миролюбивый ответ, начала бомбардировку беззащитного Белграда. Хотя российское правительство, сообщал манифест, и надеялось на успех мирных переговоров, ее армия и флот были приведены в боевую готовность. Вероломная Германия, на чье добрососедство рассчитывала Россия, потребовала отменить мобилизацию, а получив отказ, внезапно объявила войну. Теперь Россия вынуждена вступить не только за родственную Сербию, но и оградить свою честь, свое положение великой державы. «Мы верим, – заявлял Николай II в манифесте, – что на защиту Отечества встанут все народы страны, позабыв давние распри, и с Божьей помощью Россия отразит врага». В тот же день, принимая в Зимнем дворце высших чинов империи, царь дал торжественную клятву не жалеть своих сил, а если понадобится, и жизни, для победы над врагом.

Царский манифест вызвал взрыв патриотизма во всех слоях населения. По всей стране стихийно возникали мирные демонстрации и митинги в поддержку правительства. Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Не дожидаясь повесток, сотни тысяч офицеров, унтер-офицеров и ратников запаса пришли на призывные участки. Мобилизационный план был перевыполнен на 10 %. Кроме того, на войну, которую прозвали в народе «Второй Отечественной», явились десятки тысяч добровольцев. Появились новые патриотические стихи и песни, в том числе знаменитый марш «Прощание славянки». Забастовки прекратились. Правительство, подав пример самоограничения, до конца войны ввело сухой закон, причем эта мера вызвала всеобщее одобрение. Правда, не обошлось без экс-

цессов. В столице было разгромлено германское посольство. Во многих городах громили немецкие магазины, а в ряде местечек западных губерний — и еврейские лавки. Ненависть к немцам подогревалась рассказами о тех издевательствах и мучениях, которым подверглись российские подданные, застигнутые войной в Германии.

26 июля 1914 г. состоялась специальная однодневная сессия IV Государственной думы. Она вылилась в демонстрацию единения царя с народом. Все фракции заявили о полной и безоговорочной поддержке правительства, своей готовности принести любые жертвы для общей победы и политике «внутреннего мира». Только немногочисленная фракция социал-демократов (14 человек из 442 депутатов) выступила против единения народа с правительством и проголосовала против военных кредитов. Однако их позиция не встретила поддержки даже у трудовиков и националистов, так как означала прямое пособничество Германии.

После заседания 26 июля состоялась встреча кадетских лидеров А.И. Шингарева и И.П. Демидова с А.В. Кривошеиным — неофициальным лидером либерально настроенных министров. Кадеты — ведущая фракция Думы — говорили о желательности политической амнистии, об ослаблении контроля за местными органами самоуправления. В либеральной прессе появились статьи о «прощении старых ошибок и преступлений» и заблаговременной подготовке широких реформ, начать которые собирались после победного окончания войны. Однако в настоящий момент либеральные круги хотели лишь сместить с поста министра внутренних дел Н. А. Маклакова — убежденного монархиста.

В декабре 1914 г. кадетское руководство Госдумы обещало поддержать закон об увеличении налогообложения, если правительство даст разрешение на открытие сессии Думы. Правительство же хотело созвать Думу только на один день, чтобы еще раз получить «нравственную поддержку» в войне. Вместе с тем правительство искало путей компромисса с общественностью. На пост министра народного просвещения был назначен либерал граф П. Н. Игнатъев, а премьер Л. И. Горемыкин просил царя заменить министра внутренних дел. Правда, Николай II отклонил эту просьбу и даже назначил Н. А. Маклакова членом Госсовета. И все же кадеты воздержались от публичной критики правительства, так как царь дал разрешение на проведение очередной сессии Государственной думы.

Новая трехдневная сессия Думы, созванная для принятия бюджета, открылась 27 января 1915 г. На ней премьер-министр Л. И. Горемыкин зачитал декларацию о том, что после войны взаимоотношения власти с общественностью будут пересмотрены. При этом он подчеркнул, что все за-

конопроекты начнут рассматриваться только после войны. Следующую сессию Думы власти планировали провести лишь в ноябре 1915 г. Тем не менее, «священное единение» правительства и либеральных партий длилось до лета 1915 г., хотя разочарование общественности постепенно усиливалось.

Всероссийский Земский союз и Всероссийский союз городов. На волне общенародного подъема, летом 1914 г. для оказания помощи правительству в стране были созданы два крупнейших общественных объединения. 30 июля 1914 г. по инициативе Московской городской управы был учрежден Всероссийский земской союз (ВЗС), целью которого была помощь больным и раненым воинам. Его председателем стал кн. Г. Е. Львов, член партии октябристов. Октябристы составляли и большинство членов этого союза. ВЗС занимался снабжением армии хирургическим и перевязочным материалом, подбором медицинского персонала, устройством госпиталей, складов, распределительных пунктов. Отделы ВЗС в прифронтовых губерниях действовали в тесном контакте с военными властями. Огромные финансовые средства Союза складывались из частных пожертвований, специальных отчислений земств, но их главным источником были казенные пособия.

На съезде глав городов, состоявшемся 8—9 августа 1914 г. в Москве, был создан и Всероссийский союз городов (ВСГ). В него вошли представители основных либеральных партий страны. Хотя первоначально ВСГ возглавил октябрист В. Д. Брянский, кадеты вскоре перехватили инициативу, и в сентябре председателем союза был избран московский голова М. В. Челноков, член кадетской партии. Кадеты составили и большинство ЦК этого союза. К 1 октября 1915 г. в ВСГ входило 400 городов, еще 100 городов, формально не войдя в союз, регулярно посылали ему свои пожертвования. ВСГ также занимался устройством госпиталей и санитарных поездов, питательных пунктов, приобретал медикаменты, в том числе за рубежом. Бюджет ВСГ только на первое полугодие 1915 г. составил 32 млн. рублей, из которых более 20 млн. поступило из казны.

Несмотря на то, что первые месяцы ВСГ и ВЗС не вели политической деятельности, кадеты и октябристы рассматривали эти союзы как формы политической организации. Поэтому очень скоро в явочном порядке появились губернские комитеты ВСГ с юридическим и другими отделами, не предусмотренными их уставом. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков уже в конце 1914 г. предупреждал правительство об опасности расширения функций ВСГ и ВЗС и о необходимости установить контроль губернаторов над ними. Он хотел ограничить деятельность земского и го-

родского союзов только помощью раненым и не допустить расширения их деятельности. В ответ на II съезде ВСГ в феврале 1915 г., член ЦК партии кадетов Н. И. Астров выступил с критикой правительства за недоброжелательное отношение к Земскому и Городскому союзам. Не желая разрушать «священное единение», правительство предпочло не ссориться с общественностью и закрыть глаза на неуставную деятельность союзов.

10 июля 1915 г. ВЗС и ВСГ, которые во многом действовали как конкуренты, создали объединенный комитет — Земгор. Он занялся помощью беженцам и мобилизацией кустарной и мелкой промышленности для снабжения армии, в том числе вооружением. К концу 1915 г. функции Земгора серьезно расширились, появились его уездные, губернские, областные и фронтовые комитеты. В руках Земгора сосредоточилась не только вся помощь раненым и беженцам, но и техническая работа на фронтах, а также часть заказов Главного интендантства на обувь и одежду для армии. Эти заказы зачастую выполнялись несвоевременно, по ценам, завышенным в несколько раз. К 1917 г. заказы правительства были выполнены Земгором только на 50 %. При этом все многочисленные уполномоченные Земгора имели военную бронь (в действующей армии они получили презрительную кличку «земгусары», из-за своей формы, похожей на гусарские мундиры).

Особые совещания. Военачальники и эксперты ни одной страны не могли предвидеть той интенсивности, с которой станут использоваться боеприпасы в Первой мировой войне. Нормы расхода оружейных снарядов, например, оказались занижены в 4—5 раз. Уже в первые месяцы войны армия стала испытывать острую нехватку стрелкового оружия и патронов к нему, военной амуниции. В то же время правительственная машина оказалась слишком громоздкой и неповоротливой, чтобы в короткие сроки преодолеть кризис боеснабжения. Поэтому деловые круги России предложили ряд мер, чтобы исправить положение.

В январе 1915 г. очередной съезд представителей промышленности и торговли предложил вернуть из армии квалифицированных рабочих, чтобы в полной мере использовать оборудование заводов, и установить принудительную кооперацию мелких и средних предприятий для производства снарядов. Съезд высказался также за создание Особого совещания из представителей правительства и промышленников для контроля над распределением и выполнением военных заказов. Правительство, успокоенное заверениями военного министра В. А. Сухомлинова и опасаясь вмешательства общественности в государственное управление, отказалось от этих предложений. Только по настоянию великого князя Николая Нико-

лаевича оно привлекло Московский и Нижегородский биржевой комитеты к поставке сапог и подков для армии.

Однако уже в марте 1915 г. начались серьезные перебои в поставках топлива и продовольствия, и Совет министров вынужден был начать их регулирование. Добыча топлива из ведения Министерства торговли и промышленности была передана Министерству путей сообщения, хотя оно не имело для этого ни опыта, ни специалистов. Продовольственный вопрос был поручен межведомственному совещанию во главе с министром торговли В. С. Шаховским, хотя издавна в России за продовольствие, как важнейший компонент государственной безопасности, отвечало Министерство внутренних дел.

Поспешные изменения породили межведомственную путаницу. В мае 1915 г., когда недостаток вооружения и боеприпасов в армии достиг критического состояния, по требованию Ставки было создано «Особое совещание по усилению снабжения армии», которое возглавил военный министр В. А. Сухомлинов. В него вошли председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, а также по четыре человека от Думы и Петроградской финансовой группы. Новый орган не смог устранить путаницу в управлении. К тому же в него не пригласили провинциальную, прежде всего московскую, буржуазию, которая подвергла «Особое совещание» острой критике.

На сессии IV Государственной Думы, открывшейся 19 июля 1915 г., октябристы и кадеты предложили новый проект Особых совещаний. В них предлагалось включить представителей ведомств, Государственной Думы и Госсовета, а также Земского и Городского союзов, крупнейших финансовых групп. При этом их численный перевес нейтрализовался решающим голосом председателей-министров (военного, торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия), стоявших во главе «Особых совещаний». Октябристско-кадетское большинство Госдумы предложило именно этот вариант проекта, так как надеялось убрать премьера И. Л. Горемыкина и самим возглавить «ответственное министерство».

Участие представителей Госдумы и промышленности в работе высших органов управления было принципиально новым для России явлением. Николай II колебался, не желая начинать реформу в столь трудное военное время. И все же после долгих споров и согласований с Советом министров, 17 августа 1915 г. царь подписал этот законопроект. В стране было создано пять «Особых совещаний»: по обороне; по обеспечению топливом («Осотоп»); по перевозкам топлива, продовольствия и военных грузов; по продовольствию; по беженцам. «Особые совещания» получили

статус высших государственных учреждений и имели право требовать содействия со стороны всех общественных и правительственных организаций. Они устанавливали предельные цены, срок и очередность исполнения заказов, проводили реквизиции и налагали секвестр. Система «Особых совещаний» включала как органы по регулированию отдельных отраслей народного хозяйства (Металлургический комитет, Центральное бюро по закупке сахара и др.), так и военно-бюрократические учреждения.

Военно-промышленные комитеты. Кризис снабжения армии, грозивший вылиться в военную катастрофу, заставил российскую буржуазию искать новые эффективные средства помощи правительству. В конце мая 1915 г. на IX Всероссийском съезде представителей торговли и промышленности московским фабрикантом П. П. Рябушинским был выдвинут и одобрен план создания Военно-промышленных комитетов (ВПК). Их главной задачей стало объединение всех предпринимателей, снабжавших армию оружием и военным снаряжением, а также мобилизация промышленности на военные нужды. Российская буржуазия также решила консолидироваться и усилить политическое давление на правительство, которое, занятое организацией обороны страны, при возрастающей шпиономании в обществе не решилось высказывать свои возражения.

В июле 1915 г. состоялся первый съезд ВПК, избравший Центральный комитет во главе с октябристом А. И. Гучковым (председатель) и прогрессистом А. И. Коноваловым. Главная роль в руководстве ЦК принадлежала лидерам московской буржуазии. На съезде наряду с экономическими вопросами обсуждались и политические, в том числе создание «правительства общественного доверия», пользующегося поддержкой Госдумы.

К началу 1916 г. было создано 220 местных ВПК, объединенных в 33 областных, и число их продолжало расти. ВПК, действовавшие параллельно с «Особыми совещаниями», привлекли к обслуживанию армии 1300 мелких и средних предприятий, создали 120 собственных заводов и мастерских. ВПК в некоторой степени помогли решить проблему боеснабжения армии. На их предприятиях к 1917 г. были размещены военные заказы на сумму 400 млн. рублей. Правда, выполнены эти заказы были лишь на 50 %, причем снаряды и винтовки, произведенные на заводах ВПК, стоили в три-четыре раза дороже, чем на казенных заводах. Это обеспечивало многим лидерам ВПК, например, А. И. Коновалову, прибыль в 200—500 % и более. Но об этом либеральная пресса не писала, а само правительство молчало, опасаясь обвинений в «непатриотичности».

ВПК постарались также взять под свой контроль рабочее движение в стране. С июля 1915 г. при содействии эсеров и меньшевиков при комитетах ВПК стали создаваться рабочие группы, хотя этому препятствовали большевики. В результате в 1915 г. из 244 ВПК выборы от рабочих были проведены только в 76 комитетах, а создать рабочие группы удалось лишь в 58 из них. Самой влиятельной была рабочая группа Центрального ВПК (Петроград), состоявшая из 10 человек, во главе с меньшевиком К. А. Гвоздевым.

Усиление оппозиционных настроений в связи с военными неудачами. Военные поражения в Галиции заставили думские партии отказаться от политики «внутреннего мира». Все громче стали раздаваться голоса, обвинявшие министров и окружение императрицы в продаже военных секретов Германии. Общество захлестнула «шпиономания», подогреваемая сообщениями о бездарных действиях царских генералов. Тон задавала либеральная столичная пресса, неподконтрольная военной цензуре. Она открыто обвиняла военного министра В. А. Сухомлинова, еще недавно заверявшего о готовности России к войне, во лжи и измене.

С марта 1915 г. фракция прогрессистов потребовала созыва Госдумы. В мае 1915 г. к этому требованию примкнули кадеты. Их лидер П. Н. Миллюков выдвинул лозунг — создать «министерство общественного доверия». Этот лозунг в конце мая поддержал очередной съезд промышленности и торговли, а также Петроградская и Московская городские думы. 30 мая на совместном заседании Главных комитетов городского и земского союзов это требование было повторено. Комитеты потребовали также увольнения министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Для того чтобы избежать конфронтации с общественностью, царь решил пожертвовать преданным министром, одним из немногих идейных монархистов в своем окружении. 3 июня 1915 г., накануне очередного съезда ВСГ и ВЗС, Н. А. Маклаков был отправлен в отставку.

Однако общероссийские союзы, направляемые кадетами и октябристами, решили добиваться еще больших уступок. Теперь они потребовали удалить из правительства всех «реакционеров»: военного министра, министра юстиции и обер-прокурора Св. Синода. Им вторили прогрессисты, требовавшие не только создать «ответственное министерство», но и заменить Особые совещания Комитетом Гособороны (состоявший из министров, ведавших снабжением фронта и тыла, представителей Госдумы, городского и земского союзов, ВПК и рабочих).

10 июня 1915 г. Николай II уехал в Ставку, где пробыл до 27 июня. В Барановичах, вдали от двора и советов жены, он обдумывал, стоит ли ид-

ти на дальнейшие уступки оппозиции. И в очередной раз царь не смог проявить властность самодержца. В результате в правительстве произошли крупные перемены. Военным министром вместо всеми ненавистного В. А. Сухомлинова был назначен генерал А. А. Поливанов, потерявший на войне единственного сына. Он пользовался симпатиями либералов и был близок к октябристу А. И. Гучкову, но А. А. Поливанова терпеть не могла императрица. Обер-прокурором вместо В. К. Саблера стал А. Д. Самарин, губернский предводитель московского дворянства, известный своею честностью и неприязнью к Г. Е. Распутину. Реакционера И. Г. Щегловитова на посту министра юстиции заменил А. Н. Хвостов, а во главе МВД был поставлен И. Г. Щербатов. Правда, выбор этой кандидатуры заставил многих удивиться — новый министр прежде работал Главным управляющим государственных конных заводов.

Царь надеялся, что перестановки в правительстве смогут восстановить «священное единение». Он пообещал созвать Госдуму на очередную сессию не позднее августа 1915 г. Она открылась 19 июля 1915 г. и выразила поддержку новым министрам, призвав их сделать все для победы. Выступление меньшевика Н. С. Чхеидзе, потребовавшего вернуть из ссылки большевиков, было воспринято всеми как бестактность.

И все же счет взаимных претензий власти и общества продолжал расти. Либеральные партии ставили в вину правительству военные поражения, трудности в экономике, нежелание начать реформы и стремление взять под контроль общественную деятельность. Либералов особенно возмущало то, что 30 июня 1915 г. Совет министров принял постановление, по которому для открытия съездов ВПК и союзов требовалось разрешение властей. Сильное негодование вызывало и вмешательство во внутренние дела страны императрицы и ее фаворита Г. Е. Распутина. Власть винила либералов в самонадеянности и безответственности, с которым те хотят разрушить порядок управления государством во время тяжелейшей из войн, а также в беспардонном вмешательстве во внутренние дела царской семьи. Однако и власть, и либеральная общественность были едины в том, что войну надо продолжать до победного конца. Пораженческими настроениями была затронута только незначительная часть российского общества: «реакционеры», группировавшиеся вокруг Г. Е. Распутина и императрицы (Н. А. Маклаков, И. Г. Щегловитов, В. К. Саблер) и наиболее радикальная часть РСДРП во главе с В. И. Лениным.

Создание «Прогрессивного блока». К лету 1915 г. патриотический подъем первых месяцев войны сменился «патриотической тревогой» российской общественности. Поражения на фронте и нарастающий кризис

снабжения армии заставили объединиться большинство фракций Госдумы и три фракции Государственного совета. 12 августа 1915 г. был создан «Прогрессивный блок». В него вошли кадеты, октябристы, прогрессисты, центристы и даже часть националистов (В. А. Бобринский и В. В. Шульгин) — всего 236 человек из 422 членов Госдумы, а также около 70 членов Госсовета. Для ведения практической работы было выбрано бюро из 25 человек (кадеты П. Н. Милюков и А. Н. Шингарев, прогрессист И. Н. Ефремов, октябрист С. И. Шидловский, националист В. В. Шульгин, председатель — член Госсовета октябрист А. Н. Меллер-Закомельский). Создание «Прогрессивного блока» стало компромиссом между умеренно-монархическими и либерально-буржуазными группировками в Госдуме и Госсовете. Если буржуазная часть блока надеялась добиться реформы государственного управления, то умеренно-монархическое крыло ценой мелких уступок хотело предотвратить изменение третьеиюньской системы.

Главным требованием «Прогрессивного блока» стало создание «правительства общественного доверия», опиравшегося на Госдуму. Однако блок не смог даже прийти к единому мнению о членах будущего правительства. В качестве наиболее вероятных кандидатур назывались имена кадетов А. И. Милюкова, А. И. Шингарева и В. А. Маклакова, октябристов А. И. Гучкова и Н. В. Савича, прогрессистов С. В. Коновалова и И. Н. Ефремова, а также трех популярных старых министров: А. А. Поливанова, Н. П. Игнатьева и А. В. Кривошеина. Возглавить «ответственное министерство» должны были М. В. Родзянко, или Г. Е. Львов.

«Прогрессивный блок» потребовал также обновить местную администрацию, объявить частичную амнистию по религиозным и национальным делам, восстановить профсоюзы и проводить политику «внутреннего мира». По мнению лидеров блока, выполнение этих требований позволило бы предотвратить сползание России в революцию, навести порядок в народном хозяйстве и довести войну до победного конца.

Правительство раскололось в вопросе отношения к «Прогрессивному блоку». Большинство министров, хотя и было недовольно «наскоком на власть», предпочитали искать компромисс, тем более что требования Блока были высказаны в обтекаемой форме. Только престарелый премьер И. Л. Горемыкин высказался за разгон Думы. Однако его никто не поддержал. Более того, 21 августа 1915 г. А. В. Кривошеин и С. Д. Сазонов подготовили коллективное письмо, в котором предлагали Николаю II дать министерский портфель А. И. Гучкову. Однако они не учли, что царь не

терпел никаких коллективных петиций, а А. И. Гучков из-за постоянных нападков на императрицу был его личным врагом.

Царь проявил большую выдержку и никак не отреагировал на коллективное письмо. Но с осени 1915 г. он начал постепенно увольнять всех министров, подписавших его. Николай II попытался найти новые кандидатуры, одинаково устраивавшие и общественность, и императрицу. К весне 1916 г. были уволены и инициаторы письма: С. Д. Сазонов, П. Н. Игнатъев, А. А. Поливанов.

«Распутинщина». Одним из фактов, наиболее компрометировавшим царскую семью в глазах российской общественности, стало приближение к престолу 40-летнего крестьянина Тобольской губернии Г. Е. Распутина, которого почитатели называли «святым старцем». Молодые годы Г. Е. Распутина были ничем не примечательны: разгульная юность, драки, затем женитьба на односельчанке, нелегкий крестьянский труд. Однако в 30 лет в его жизни наступил перелом. Посетив Верхнетурский монастырь (Пермская губерния), Г. Е. Распутин внезапно проникся сильнейшим религиозным чувством. Вернувшись домой, он перестал есть мясо, стал усиленно молиться, а через несколько недель оставил семью и ушел на богомолье. Г. Е. Распутин странствовал несколько лет, строго соблюдая все посты и православные обряды, посещал известные монастыри, побывал на Афоне и в Палестине. Во время странствий он встречался со многими духовными лидерами православия, в том числе с протоиереем Иоанном Кронштадским (с которым впоследствии поддерживал самые теплые отношения) и никто из них не усомнился в искренности религиозных чувств Г. Е. Распутина.

В Петербурге Г. Е. Распутин появился в 1903 г., когда слава о нем уже шла по всей Сибири. В столицу его пригласил ректор С.-Петербургской духовной академии епископ Сергей. В стенах академии произошло и знакомство Г. Е. Распутина с архимандритом Феофаном, духовником царской семьи. Вскоре Г. Е. Распутин попал в поле зрения экзальтированных и честолюбивых великих княгинь Милицы Николаевны и Станы Николаевны. Они решили представить Г. Е. Распутина царской семье, надеясь, что с его помощью смогут усилить свое влияние при дворе. На Николая II Г. Е. Распутин не произвел особого впечатления, но императрица Александра Федоровна была поражена. Она увидела в Г. Е. Распутине «святого старца», голосом которого говорил простой русский народ. Именно к этому «настоящему» народу она так много лет пыталась безуспешно пробиться сквозь презираемое ею черствое и развращенное высшее общество.

С 1907 г. Г. Е. Распутина начинают регулярно приглашать в царскую семью. Г. Е. Распутин был малограмотен, но обладал природным умом, огромной интуицией и силой воли. К этому времени он уже хорошо знал Священное Писание и мог свободно беседовать на любые религиозные темы. Но самое главное — у Г. Е. Распутина были какие-то гипнотические и психотерапевтические способности, благодаря которым он мог облегчать страдания наследника Алексея, больного гемофилией. Поэтому мать неизлечимо больного ребенка, отчаявшись найти помощь у знаменитых врачей, уверовала в то, что Распутин и есть тот самый «Божий человек», который послан спасти ее малолетнего сына.

К 1914 г. Г. Е. Распутин стал духовным наставником императрицы, без которого она не принимала ни одного важного решения. По Петербургу поползли слухи, что Г. Е. Распутин — любовник императрицы. После покушения на Г. Е. Распутина в июне 1914 г. по личному приказу Александры Федоровны МВД организовало его охрану, и эти слухи переросли в уверенность. Г. Е. Распутину приписывалась и любовная связь с ближайшей подругой и фрейлиной императрицы А. А. Вырубовой, а также с другими светскими дамами. Кроме того, говорили, что Г. Е. Распутин еще в Тобольской губернии вступил в секту хлыстов, которые под видом молений устраивают дикие оргии. Считалось, что безвольный, ничего не подозревающий царь во всем слушается свою жену, поэтому ее фаворит Г. Е. Распутин — «святой черт» — фактически правит Россией.

Поведение Г. Е. Распутина только укрепляло в обществе мысль о его всемогуществе. Многие петербургские банки получали безграмотные записки Г. Е. Распутина с требованием денег, написанные на клочках грязной бумаги. Эти требования беспрекословно удовлетворялись. Такие же записки, предлагавшие назначить на ответственные должности конкретных лиц, получали от Г. Е. Распутина и царские министры.

Особенно крупный скандал, связанный с именем Г. Е. Распутина, разразился в церковном ведомстве. В январе 1916 г. архиепископ Тобольский Варнава (как утверждали — друг разгульной юности Г. Е. Распутина) решил устроить в своей епархии центр для паломников, чтобы привлечь богомольцев со всей Сибири. Это предприятие сулило большие доходы для Варнавы и его покровителя. Дело стало за малым — найти какого-либо святого, чья деятельность была бы связана с Тобольской епархией. На тот момент такого святого не было, поэтому Варнава стал добиваться канонизации архиепископа Иоанна Тобольского, умершего в XVIII в. Наглость, с которой Варнава, в нарушение церковных законов, требовал ускоренной канонизации, возмутила обер-прокурора Св. Синода А. Д.

Самарина. Он отрешил Варнаву от должности и отправил в монастырь на покаяние. Однако за того вступился Г. Е. Распутин, и решение Синода было отменено. Сам же А. Д. Самарин, пользовавшийся большим авторитетом у московского и провинциального духовенства, в августе 1916 г. был заменен А. Н. Волжиным. Отставку получил и секретарь Синода митрополит Владимир, проявивший твердость к домоганиям Варнавы. Его место занял архиепископ Владикавказский Питирим, заискивавший перед Г. Е. Распутиным.

Вокруг Г. Е. Распутина сложился кружок спекулянтов и темных личностей во главе с еврейскими финансистами Д. Л. Рубинштейном (директор Русско-французского коммерческого банка) и И. П. Манусом (председатель правления Российского транспортного и страхового общества). Общественное мнение считало их германскими шпионами, которым Г. Е. Распутин продает военные секреты, выведенные у императрицы. Этот кружок, по мнению думских лидеров, и определял кадровую политику государства. Так, в январе 1916 г. получил отставку 87-летний председатель Совета министров И. Л. Горемыкин. Этот пост занял 67-летний Б. В. Штюрмер, считавшийся креатурой Г. Е. Распутина. Вслед за И. Л. Горемыкиным был уволен и министр внутренних дел А. Н. Хвостов. При этом пост директора департамента общих дел МВД (фактически второе лицо в министерстве) получил И. Ф. Манасевич-Мануйлов, известный всему Петрограду как провокатор, шулер и развратник. Именно он с 1914 г. отвечал за охрану Г. Е. Распутина.

В то же время, ослепленное ненавистью к Г. Е. Распутину и императрице, столичное общество не хотело замечать, что за несколько лет близости к царской семье Г. Е. Распутин ничего не попросил себе лично. Он любил щегольски (на крестьянский манер) одеваться, кутить в ресторанах, но не имел ни счетов в банках, ни недвижимости в столице. Первые годы он жил в Петербурге в дворцах своих почитателей, до той поры, пока в мае 1914 г. императрица за свой счет не арендовала ему большую квартиру в доме № 64 на Гороховой улице. С этой квартиры он и поехал на роковое свидание во дворец к князю Ф. Ф. Юсупову. Не захотело общество услышать и выводы, сделанные Тобольской духовной консисторией, расследовавшей принадлежность Г. Е. Распутина к секте хлыстов. Расследование было произведено в 1912 г. по личному указанию царя, очень щепетильного в религиозных вопросах. Среди членов Тобольской консистории были и недоброжелатели Г. Е. Распутина, однако его связей с хлыстами никому обнаружить не удалось.

Сильно преувеличены были слухи и о «всемогуществе» Г. Е. Распутина. Он действительно принимал участие в назначении многих министров, но роль Г. Е. Распутина в этом была довольно необычной. Кандидатов выбирал не он, а императрица, а Г. Е. Распутин был только последней инстанцией, своеобразным «экспертом по душевным качествам» претендента. Для того чтобы и в дальнейшем сохранить роль советника, Г. Е. Распутин ходатайствовал только за тех людей, которые нравились ему лично. Он помог назначению лишь 11 человек (министров, товарищей министров или губернаторов), но часть из них, как, например, обер-прокурор Синода А. Н. Волжин, затем стали его врагами.

Летом 1915 г. Г. Е. Распутин не смог освободить от армии своего единственного сына Дмитрия, хотя сама императрица дважды просила об этом Николая II. Сына Г. Е. Распутина не удалось даже зачислить в Сводный полк, охранявший царя. Единственное, чего удалось добиться, это определить его в санитарный поезд императрицы, вывозивший раненых с поля боя в тыл. Финансист И. П. Манус, ублажавший Г. Е. Распутина, в 1915 г. получил чин действительного статского советника (по Табелю о рангах равный генерал-майору). Но для этого ему пришлось сделать крупные пожертвования для армии. В то же время другой темный делец из окружения Г. Е. Распутина — «Митька Рубинштейн» — за спекуляцию и шпионаж в 1916 г. попал в тюрьму, где и встретил в 1917 г., несмотря на все хлопоты своего высокого покровителя.

Но больше всего общество будоражили слухи о любовных похождениях Г. Е. Распутина и его «интимной связи» с императрицей. Действительной причины близости Г. Е. Распутина ко двору никто не знал, так как императорская чета тщательно скрывала болезнь наследника и считала ниже своего достоинства опровергать гнусные сплетни. Николай II и Александра Федоровна были «опоздавшими людьми», как будто попавшими в XX в. из времен Московского царства. Они оба были глубоко религиозны, продолжали нежно любить друг друга даже через двадцать лет супружества, хотя не выставляли своих чувств напоказ, и старались лично принимать участие в воспитании собственных детей. Они совершенно не вписывались в мистико-эротический, самовлюбленный высший свет столы, который формально возглавляли. Зато в него прекрасно вписывался миф об эротомане Г. Е. Распутине, одновременно обслуживавшем императрицу, ее подругу А. А. Вырубову и еще половину знатных дам Петрограда.

Часть этих домыслов была впоследствии опровергнута самими же составителями. Некая Комисарова нанялась к Г. Е. Распутину в домработ-

ницы с целью собрать компрометирующие знатных особ факты, но за полгода так и не смогла увидеть ничего такого, что можно было бы использовать для шантажа и вымогательства. Знаменитые «разоблачения Распутина» монаха-расстриги Илиодора (С. Труфанова), эмигрировавшего перед войной в США, американские издательства печатать отказались из-за их явной недостоверности. Зато они стали находкой для российской прессы уже после Февральской революции. Девственность же А. А. Вырубовой была установлена после февраля 1917 г. в ходе медицинского освидетельствования специальной комиссией Временного правительства, созданной для поиска «преступлений царского режима».

И все же Г. Е. Распутин уже своим присутствием у трона дискредитировал царскую семью в глазах российской общественности и союзников. Взятая на себя роль — крестьянского пророка и спасителя царской семьи — оказалась Г. Е. Распутину явно не по плечу. Он был тщеславен и желал любыми путями находиться в центре внимания, для чего таинственно намекал на свое особое влияние на императрицу. Колоритная внешность и псевдонародное поведение, в сочетании с гипнотическими способностями и религиозной одержимостью, привлекали к нему сотни людей. Это кружило ему голову и подталкивало играть роль всемогущего правителя России. Устраивал Г. Е. Распутин и кутежи с многочисленными просителями и женщинами легкого поведения. При этом общество само потакало Г. Е. Распутину, надеясь использовать его для своих корыстных целей, как это пытались сделать Стана Николаевна, жена великого князя Николая Николаевича, или кружок И. П. Мануса — Д. Л. Рубинштейна. Когда это не удавалось, то врагами становился вначале сам Г. Е. Распутин, а затем — и императрица.

Кроме того, Г. Е. Распутин, тонко уловив скрытую ненависть императрицы к российским либералам, от имени всего русского крестьянства выступил сторонником неограниченного самодержавия. В своих речах он неоднократно советовал царю разогнать Госдуму, а также выступал за скорейший мир с Германией. Этим он навлек на себя ненависть всех думских партий, либеральной прессы и союзных дипломатов. В обществе стали говорить, что Г. Е. Распутин и императрица выдавали немцам все военные секреты России, сообщая о них по секретному кабелю, якобы ведущему из покоев Александры Федоровны в германский Генштаб.

Двусмысленное поведение царя, терпевшего возле трона Г. Е. Распутина, породило монархическую оппозицию. В нее вошли представители знатнейших фамилий и даже великие князья. Некоторые из них высказывались за насильственное устранение Николая II от руководства империей

и пострижение императрицы в монахини. Самой видной фигурой среди оппозиционеров был великий князь Николай Михайлович — историк, председатель Русского географического общества. В ноябре 1916 г. он передал царю коллективное письмо «великокняжеской фронды» с требованием убрать Г. Е. Распутина и восстановить авторитет царской династии. В начале декабря 1916 г. от «гибельного действия закулисных влияний» робко предостерег Николая II и Государственный совет, намекая на Г. Е. Распутина и императрицу.

В ночь с 29 на 30 декабря 1916 г. князь Ф. Ф. Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович и лидер ультраправых в Думе В. М. Пуришкевич заманили Г. Е. Распутина во дворец Ф. Ф. Юсупова, убили его, а труп сбросили под лед в Неву. Общественное мнение России встретило это событие с ликованием, но участие в убийстве одного из великих князей бросило тень на всю императорскую фамилию. Премьер-министр А. Ф. Трепов был немедленно уволен со своего поста и заменен преданным царю, но бесхарактерным Н. Д. Голицыным. Сохранивший же должность министра внутренних дел А. Д. Протопопов отдал приказ организовать в провинции кампанию по отправке на имя царицы писем и телеграмм от простого народа, якобы безутешно скорбящего о смерти Распутина. В то же время 16 членов императорского дома подписали письмо в защиту великого князя Дмитрия Павловича и князя Ф. Юсупова. Несмотря на то что императрица настаивала на казни убийц, никто из них осужден не был. Великий князь Дмитрий Павлович был отправлен в русскую миссию в Персии, а Ф. Ф. Юсупов сослан в родовое имение в Курскую губернию. Главный же участник убийства — В. М. Пуришкевич, а также один из лидеров кадетов В. А. Маклаков, знавший о его подготовке, как члены Госдумы, даже не привлекались к следствию.

«Министерская чехарда». Одним из проявлений кризиса власти стала, по образному выражению В. М. Пуришкевича, «министерская чехарда». За два с половиной года войны в России сменилось четверо председателей Совета министров, шесть министров внутренних дел. Четырежды менялись военные министры, министры земледелия, юстиции, обер-прокуроры Св. Синода, трижды — министры иностранных дел, народного просвещения и госконтроля. Министерскую чехарду сопровождала «губернаторская чехарда». К февралю 1917 г. лишь 38 губернаторов и вице-губернаторов занимали свои посты с довоенных времен. В 1914 г. было назначено 12 человек, в 1915 г. — 33, за девять месяцев 1916 г. — 43 человека. При А. Д. Протопопове, с сентября 1916 г. по февраль 1917 г., сменилось еще 14 губернаторов и градоначальников.

Каждая смена министра, как правило, влекла за собой перетасовку руководящих кадров министерства. Показательной в этом отношении была ситуация в таком ключевом министерстве, как МВД. А. Н. Хвостов за шесть месяцев сменил директоров канцелярии и департаментов полиции, общих дел, духовных дел иностранных исповеданий, земского отдела, причем директора департаментов общих дел и полиции менялись дважды. Б. В. Штюмер вновь заменил директора департамента общих дел, а А. Д. Протопопов — директоров департаментов полиции, общих дел и духовных дел иностранных исповеданий, а также начальника Главного управления по делам местного хозяйства и печати. Многие рядовые чиновники стали бояться вообще высказывать какое-то мнение по любому вопросу, не зная, как отнесется к этому будущий начальник.

В стране нарастал управленческий хаос. Разладился механизм взаимосвязи министра внутренних дел и Департамента полиции, занимавшегося политическим сыском. Министр внутренних дел А. Н. Хвостов и директор Департамента полиции С. П. Белецкий, профессионал своего дела, ненавидели друг друга. Они не обменивались информацией, и каждый создавал собственную агентурную сеть. Б. В. Штюмер враждовал с Е. К. Климовичем, преемником Белецкого. Штюмер не принимал у Климовича докладов о положении в стране, не давал никаких указаний и был очень недоволен, когда тот рассылал записки о деятельности оппозиции другим членам кабинета. Неорганизованный и психически неуравновешенный А. Д. Протопопов, увлекшись оккультизмом, не мог выбрать время для устных докладов директора Департамента полиции, а письменных он, вероятно, не читал.

Роль фактического главы МВД должен был исполнять П. Г. Курлов, назначенный 23 октября 1916 г. товарищем (помощником) министра. Но из-за одиозности личности П. Г. Курлова А. Д. Протопопов просил Николая II не публиковать приказ о его назначении. Сложилась беспрецедентная ситуация — власть стыдилась своего представителя. Сенат и Совет министров отказывались принимать бумаги, подписанные П. Г. Курловым. А. Д. Протопопов, которого правые министры презирали, а Госдума объявила предателем и организовала общественную травлю, в ноябре 1916 г. притворился больным и самоустранился от дел.

В такой неразберихе МВД забыло предоставить в Госдуму оформленное по ст. 87 Положение Совета министров о запрете съездов общественных организаций без разрешения правительства, и оно формально утратило силу. Власть не справлялась даже с карательными функциями. Во всех салонах Петрограда и Москвы открыто ругали императрицу

Александру Федоровну, а столичные газеты безнаказанно публиковали статьи о жизни царской семьи с оскорбительными намеками.

Однако Госдума, ставшая к 1916 г. главным центром оппозиции в стране, была не меньше верховной власти виновата в «министерской чехарде». Именно под ее давлением в мае 1915 г. был уволен, а летом 1916 г. отдан под суд и заключен в Петропавловскую крепость военный министр В. А. Сухомлинов. С думской трибуны его обвинили во взяточничестве и измене, нимало не заботясь, какой эффект произведет это обвинение на воюющую страну. Позднее вину В. А. Сухомлинова, несмотря на все старания, так и не смогло доказать Временное правительство.

По требованию «общественности», из-за своих монархических убеждений в отставку были отправлены престарелый премьер И. Л. Горемыкин и энергичный, неглупый министр внутренних дел Н. А. Маклаков. Новый премьер Б. В. Штюрмер симпатизировал Госдуме, но ее лидеры сами желали занять кресло премьер-министра. Поэтому и Штюрмер под давлением «Прогрессивного блока» в ноябре 1916 г. был уволен. Царских министров открыто шельмовали на страницах газет и с думской трибуны. Дело дошло до того, что в феврале 1917 г. царь вызвал председателя Госдумы М. В. Родзянко и потребовал прекратить оскорблять правительство и начать работать в области конкретных законов, а не лозунгов и демагогии. Положение усугублялось тем, что бюрократию пытались оттеснить от власти «общественные организации», которые, не имея ни соответствующих полномочий, ни опыта, тем не менее самонадеянно брались за решение сложнейших проблем.

Вместе с тем Николай II слишком поздно осознал, что его попытки найти компромисс с Думой только усиливали давление на власть. Он оказался слишком мягким и нерешительным, чтобы до конца отстаивать своих министров. Возможно, он понимал, что его выбор зачастую действительно был неудачен. Но к концу 1916 г. травля министров «общественностью» и уступчивость Николая II привели к тому, что порядочные люди с монархическими убеждениями уже безговали вступать во власть. Не случайно Александра Федоровна, оглядывая «всю королевскую рать» горестно восклицала, что в правительстве не осталось настоящих джентльменов. Роковой ошибкой царя стало увольнение после убийства Распутина с поста премьера А. Ф. Трепова — честного и решительного монархиста, и сохранение поста министра внутренних дел за А. Д. Протопоповым — мастером красивых, но пустых фраз, который не имел никакого административного опыта, а в решающую минуту проявил себя как трус и паникер.

Развал промышленности и обнищание народных масс. Война вызвала огромное напряжение всего народного хозяйства страны. Военные действия сразу отрезали от России польский промышленный район, один из самых развитых в империи. Вскоре оказалась парализована и деятельность заводов Прибалтики и западных губерний, оказавшихся в прифронтовой полосе. В 1913 г. их доля составляла около 20 % от общероссийского объема промышленного производства, а по ряду показателей — выпуску паровых котлов, двигателей, шерстяных тканей, кож, красителей — была еще выше.

Кроме того, с началом военных действий западная и южная границы, через которые в основном поступали иностранные товары в Россию, оказались отрезанными. Поставки импорта стали возможны только через порты Архангельска и Владивостока. Пропускная способность железных дорог, связывавших эти гавани с внутренними районами страны, была невысока, и снабжение России иностранными товарами, за исключением военных грузов, резко упало. Но даже эти грузы из-за транспортных трудностей лежали на таможенных складах Архангельска и Владивостока по несколько лет. В июне 1915 г. в Архангельске, прямо на пристани несколько месяцев ждали отправки 70 тяжелых орудий, 1,5 млн. снарядов, 6 млн. гранат, 50 тыс. винтовок.

С началом войны транспорт перестал справляться с многократно возросшими перевозками. Нарушилось и единство управления железными дорогами. Одна треть дорог была передана Ставке, где для ликвидации заторов вагоны сбрасывали под откос. В это время в тылу, где 40 % грузов предназначались для армии, остро не хватало вагонов даже для перевозки оружия и боеприпасов. При этом Ставка раздробила свою железнодорожную сеть между фронтами и армиями и вдобавок создала двойное подчинение на дорогах. Но настоящий хаос на железных дорогах страны наступил с весны 1915 г., когда началась массовая эвакуация беженцев из западных губерний.

Из-за нехватки вагонов, подвозивших топливо, к марту 1915 г. временно остановилось 18 сталелитейных домен Юга России и 66 домен (50 %) на Урале. Для решения топливной проблемы правительство вынуждено было создать специальный топливный комитет («Осотоп») и ограничить продажу топлива населению и гражданским предприятиям. Им пришлось перейти на дрова, удельный вес которых в общей доле топлива возрос к 1917 г. на 140 %.

И все же «разрухи», разговоры о которой стали очень популярны в российском обществе, в стране не было. К 1917 г. добыча угля в стране

составила 107,5 %, нефти — 109,5 % к уровню 1913 г. За период 1914—1916 гг. в России закрылись 1227 заводов и фабрик, но 54 % из них были водочные, винокуренные и пивоваренные заводы. За это же время в стране было открыто 678 новых казенных и частных предприятий, которые работали не только на оборону, но и производили товары для населения. На них было создано 200 тыс. новых рабочих мест. При этом, несмотря на призыв в армию значительной части квалифицированных рабочих и частичную замену их женщинами и даже военнопленными (на шахтах и рудниках), производительность труда на фабриках и заводах России к концу 1916 г. по сравнению с 1913 г. не только не упала, но даже возросла на 4 %.

К началу 1917 г. общий объем промышленного производства по сравнению с 1913 г. вырос на 22 % . Правда, произошло это в основном за счет производства военной продукции, возросшей на 386 %. В пищевой промышленности, с учетом закрытия винокуренных и пивоваренных заводов, валовая продукция сократилась всего лишь на 7 % от довоенного уровня. По кондитерским изделиям она даже выросла на 8 %, а по табачным — на 13 %. Это объяснялось тем, что из-за прекращения экспорта во многих отраслях страны образовались дополнительные внутренние ресурсы. Правда, качество товаров при этом значительно снизилось.

В середине 1914 г. в России в стадии строительства находилось 16 тыс. км железных дорог. За два с половиной года войны завершилось строительство железнодорожных линий длиной 12 тыс. км. Была проложена вторая колея Вологда — Архангельск, полностью закончена Амурская железная дорога. Отныне весь Транссиб проходил по территории России. В марте 1915 г. было начато строительство самой северной в мире Мурманской железной дороги. Она должна была связать Европейскую Россию с незамерзающим портом Мурманск (Романов-на-Мурмане), основанным в ноябре 1915 г., так как Архангельск не мог принимать корабли зимой. Поезда по новой дороге пошли через 20 месяцев после начала строительства.

Пик развития военной промышленности России наступил к зиме 1916 г., когда более половины промышленности страны стала работать на армию. Это позволило увеличить к 1917 г. производство снарядов в 20 раз, винтовок — в 11 раз, орудий — в 10 раз. По производству пушек Россия обошла Британию и Францию. В начале 1917 г. страна выпускала 222 аэроплана в месяц, в ней действовало пять автомобильных заводов, которые уже готовились выпускать танки.

Однако успехи, достигнутые в сфере военной промышленности, были оплачены колоссальным напряжением народных масс и падением их уровня жизни. Правда, продовольственного кризиса в первые два года войны Россия сумела избежать. Она была единственной из воюющих стран, которая до 1917 г. не ввела карточки на продовольствие (кроме сахара). Во многом это произошло благодаря хорошим урожаям зерновых и основных технических культур. Но к началу третьего года войны деревня лишилась около 15 млн. пахарей и трех четвертей тягловой силы. Только в Витебской, Могилевской и Минской губерниях в 1914—1917 гг. было мобилизовано 634,4 тыс. мужчин, т. е. 50 % трудоспособного населения. Вместо них к 1917 г. с фронта вернулось несколько миллионов калек.

Огромные проблемы для тыла создавали беженцы, число которых к началу 1915 г. превысило 10 млн. человек. Они породили хаос на дорогах страны, затрудняя подвоз боеприпасов и вооружений на фронт. Беженцы спасались от зверств немцев, но многие были эвакуированы принудительно. Как правило, при эвакуации власти реквизировали у них почти все имущество, и российские города оказались заполнены нищими, испуганными и обозленными людьми. Так, население Минска с 1914 по 1915 г. увеличилось со 100 тыс. до 250 тыс. человек, Бобруйска — с 50 до 100 тыс. человек.

Нехватка промышленных товаров и скученность населения в городах породили небывалую волну спекуляции и коррупции. В конце 1916 г. почти 50 % всех транспортных перевозок в стране выполнялись не по госзаказам, а в интересах спекулянтов. К осени 1916 г. продукты первой необходимости подорожали в Петрограде в 3 раза, дрова и яйца — в 4 раза, масло и мыло — в 5 раз. На 40 % ниже обычного в 1916 г. оказался и урожай зерновых. Поэтому в сентябре 1916 г. правительство решило установить фиксированные цены на зерно. Однако крестьяне отказались продавать хлеб государству, возмущенные тем, что промышленные товары им приходится покупать по спекулятивным ценам. В ответ министр земледелия А. А. Риттих в конце ноября 1916 г. объявил о введении принудительной разверстки хлебных поставок.

Рабочее и крестьянское движение. Волнения в армии. Рабочие выступления начались уже в первые полгода войны. Но первоначально они были немногочисленны и носили характер стихийных выступлений против дороговизны. В 1914 г. полиция зафиксировала только три случая по всей России, в 1915 г. — 15 случаев. Самыми крупными из них стали события 5 июня 1915 г. в Костроме, где полиции пришлось стрелять в демонстрантов (убито 12 и ранено 45 человек), и 10 августа 1915 г. в Ивано-

во-Вознесенске. Там, по неподтвержденным сведениям, было убито 40 и ранено около 100 рабочих.

Намного более масштабными стали погромы против «внутреннего немца», прокатившиеся в октябре 1914 г. в Петрограде и в мае — июне 1915 г. в Москве. Погром в Москве произошел при попустительстве командующего московским гарнизоном Ф. Ф. Юсупова, поддерживавшего «партию войны» великого князя Николая Николаевича. В московском погроме, ущерб от которого составил 50—70 млн. рублей, участвовало несколько десятков тысяч человек. Он сопровождался массовым закрытием предприятий Москвы, так как погромщики врывались на заводы и убивали управляющих и инженеров-немцев. Общее число рабочих на остановившихся заводах составило от 100 до 200 тыс. человек, а число убитых и искалеченных достигло нескольких сотен. Напуганным властям с огромным трудом удалось взять ситуацию под контроль.

Единственной политической партией, выступавшей против войны, были большевики. Однако до лета 1915 г. они боялись призывать рабочих к антиправительственным выступлениям, опасаясь подорвать авторитет РСДРП. Поэтому с 1 августа до конца 1914 г. ни одной антивоенной стачки в стране не было. В то же время большевики организовали стачки в знак протеста против ареста их депутатов в Госдуме и суда над ними. Против ареста большевистских депутатов в ноябре 1914 г. бастовала 1 тыс. человек на одном заводе в Петрограде и 72 человека на четырех типографиях в Харькове. Во время суда над большевиками в феврале 1915 г. бастовало 236 человек на шести заводах в столице и 2018 человек в Москве. В течение 1915 г. под руководством социал-демократов прошли еще три политические стачки: в годовщину «Кровавого воскресенья» (9 января), Ленского расстрела (4 апреля) и Первого мая. Кроме первомайской (в ней приняло участие около 22 тыс. человек в 16 городах страны), остальные стачки были немногочисленны и затронули только Петроград, Москву и несколько губернских городов.

Серьезную проблему для властей стачки начали представлять только с 1916 г. В однодневной забастовке 9 января 1916 г. участвовало около 61500 рабочих столицы. Забастовка же Путиловского завода длилась до середины февраля. Наряду с экономическими, путиловцы выдвинули также антивоенные и антимоноархические лозунги. Путиловский завод был передан военным властям, но в марте 1916 г. забастовку солидарности объявили еще 73 тыс. рабочих столицы. В это же время в провинции начались стихийные экономические стачки, которым левые партии попытались придать политическое звучание. Крупнейшими из стачек были за-

бастовки на судостроительном заводе «Наваль» в Николаеве, заводах Тулы и Бежицы, на ряде шахт Донца. Всего в первом квартале 1916 г. бастовало 330 100 человек, во втором квартале — 393 тыс. человек. Однако, скорее всего, эти данные, опубликованные в советский период, завышены в несколько раз.

До февраля 1917 г. гораздо большим, чем большевики, влиянием среди рабочих пользовались анархо-синдикалисты и меньшевики. Именно они организовали серию забастовок, направленных против перерыва в работе Госдумы. Первая волна этих стачек прокатилась 3—7 сентября 1916 г. В ней приняло участие 65 тыс. рабочих на 170 петроградских заводах, 35 тыс. рабочих — в Москве, а также около 5 тыс. рабочих в Нахичевани. В ноябре 1916 г. 17 тыс. человек бастовало в Москве, а в декабре 1916 г. — январе 1917 г. — 54 тыс. на 12 заводах Петрограда. 13 февраля 1917 г., в годовщину суда над депутатами-большевиками, на улицы Петрограда вышли только 1800 человек, еще 2000 вышли на демонстрацию в Москве. В тоже время 14 февраля, в день открытия очередной сессии Госдумы, меньшевики из рабочей группы Центрального и Петроградского ВПК вывели на улицы столицы 84 тыс. рабочих с 52 заводов.

Из стачек 1916 г., возглавленных большевиками, выделяется политическая забастовка 26—29 октября в столице, организованная Петроградским комитетом РСДРП. Это была масштабная акция в знак протеста против суда над восставшими матросами Балтийского флота. В ней приняло участие около 70 тыс. человек. В целом же до февраля 1917 г. партия большевиков не представляла значительной политической силы. По последним данным, численность РСДРП в России на тот момент не превышала 8—10 тыс. человек (хотя вождь большевиков В. И. Ленин называл цифру 30 тыс. — 50 тыс. человек). Тем не менее, революционная и антивоенная пропаганда большевиков, которые в 1914—1917 гг. издали около 600 прокламаций общим тиражом в 2 млн. экземпляров, имела большой успех в рабочей среде, придавая рабочему движению России все более радикальный характер.

13 февраля 1917 г. 11 рабочих, членов Петроградского ВПК, были арестованы по обвинению в подготовке к революции. Широкую огласку их арест получил благодаря министру внутренних дел А. Д. Протопопову, который широко разрекламировал эту акцию. Он желал создать видимость активной борьбы с оппозицией в стране, однако эффект получился прямо противоположный. Центральная пресса заговорила о готовящемся свержении династии Романовых.

За время войны в стране было зафиксировано около 800 крестьянских выступлений, для подавления которых 149 раз вызывались сельские стражники и военные команды. В 1915—1916 гг. волнения происходили на Кубани, Дону и в Поволжье, на Украине и в Центрально-Черноземном районе. В апреле 1916 г. состоялось совещание высших чинов МВД и губернаторов 15 центральных губерний. Оно признало, что в крестьянской среде идет «серьезное брожение», вызванное постоянными воинскими призывами и реквизициями.

Несмотря на тяжелейшие условия, в которых пришлось сражаться российской армии в 1914—1915 гг., в первые два года войны случаев солдатских волнений практически не было. Правда, в августе — сентябре 1914 г., во время мобилизации, в ряде губерний возникли стихийные беспорядки на призывных участках. Призывники, зачастую нетрезвые, начали громить торговые и винные лавки, принадлежащие евреям, а заодно — и близлежащие помещичьи имения. Никаких политических лозунгов при этом не выдвигалось, погромы шли под девизом «Война все спишет!». Полиция и воинские команды быстро пресекли эти хулиганские действия.

Первые серьезные волнения произошли в октябре 1915 г. на Балтийском флоте. Его большая часть не участвовала в боевых действиях и находилась в защищенной гавани Кронштадта. Страдающие от безделья матросы стали удобной мишенью для агитаторов-большевиков, которые даже смогли организовать на некоторых кораблях свои ячейки. 19 октября 1915 г. «Главный судовой комитет РСДРП» поднял восстание на линкоре «Гангут». Восставшие матросы арестовали своих офицеров и захватили корабль. Но вскоре он был окружен миноносцами и подводками и под угрозой затопления экипаж «Гангута» вынужден был сдаться. Однако матросы крейсера «Рюрик» отказались конвоировать арестованный экипаж, за что сами попали под военно-полевой суд. Всем восставшим грозила смертная казнь, но на их защиту встали рабочие Петрограда, начавшие стачку. В результате смертная казнь была заменена каторгой.

В отличие от флота, Действующую армию революционное брожение долгое время не затрагивало. Но к концу 1916 г. военные неудачи и шумная антиправительственная кампания, развязанная в тылу либеральной прессой, расшатали моральный дух армии. С осени 1916 г. стали наблюдаться отдельные случаи неповиновения приказам, а также братания с солдатами противника, особенно на Юго-Восточном фронте.

5 января 1917 г. 12-я российская армия генерала Радко-Дмитриева начала локальное наступление на Митаву (Елгаву), занятую немцами. 17-й Сибирский стрелковый полк отказался выполнить приказ. Узнав об

этом, отказалась наступать и часть войск 2-го и 4-го (по некоторым данным — 6-го) Сибирских стрелковых корпусов. В итоге наступление сорвалось, 92 человека были казнены военно-полевым судом, еще несколько сотен отправлены на каторгу.

Подрывали боевой дух армии и действия властей, пытавшихся навязать ей полицейские функции. Именно во время подавления рабочих выступлений, проходивших не под политическими, а под экономическими лозунгами, солдаты отказывались стрелять в безоружных женщин и подростков, требовавших хлеба. С августа 1914 г. по февраль 1917 г. было зафиксировано семь подобных случаев, причем несколько раз вызванные на помощь военные части повернули оружие против полиции.

И все же падение дисциплины было характерно не для боевых, а для тыловых частей и необстрелянных новобранцев. Так, в октябре 1916 г. произошли волнения на призывных пунктах в Кременчуге (Украина) и Гомеле. В Гомеле около 1000 новобранцев, среди которых оказались и матросы Балтийского флота, освободили заключенного под стражу товарища, а затем стали уничтожать призывные списки. Затем восставшие устремились в город, где начались погромы и грабежи. Волнение было подавлено только через четыре дня. По приговору военно-полевого суда девять человек было расстреляно, еще семь отправлено на каторгу.

Ненормальная обстановка сложилась к началу 1917 г. и в войсках Петроградского гарнизона. В городе, которому противник непосредственно не угрожал, находилось 240 тыс. человек, в основном запасных и новобранцев. Они жили в переполненных казармах, обучением их практически никто не занимался, дисциплина не поддерживалась из-за нехватки офицеров, среди которых кадровых военных были единицы. В этих условиях солдаты скучали, а в казармы к ним легко проникали агитаторы всех мастей. Чем дольше эти необстрелянные новобранцы находились в Петрограде и окрестностях, тем меньше оставалось у них желания попасть на фронт.

Для того чтобы предотвратить возможные волнения в столице, монархисты — А. Ф. Трепов и Н. А. Маклаков — разработали особый план. Они хотели вывести из Петрограда все запасные батальоны, заменив их гвардейской кавалерией, а также создать военизированную полицию. При этом общее число столичного гарнизона предполагалось уменьшить до 40—50 тыс. человек. План отставных министров был передан руководству МВД, которое положило его под сукно.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. В царской России, которую революционеры называли «тюрьмой народов», в армию призы-

валось в основном славянское население. От призыва на военную службу было полностью освобождено коренное население Средней Азии и Казахстана, Астраханской и Уральской областей, народы Севера и жители Финляндии. Облегченный призыв действовал и для горцев Кавказа. Однако мобилизация трудоспособного славянского населения вызвала крайнюю нехватку рабочих рук в центральных губерниях России. Поэтому 25 июня 1916 г. был издан закон о привлечении на тыловые работы коренного населения Средней Азии и Казахстана. Согласно указу, из Туркестанского края отправке в прифронтовые районы подлежало 250 тыс. человек, из Степного края — 230 тыс. человек.

Подобная практика существовала и в других воюющих странах, причем в более широких масштабах. В Египте англичане мобилизовали на тыловые работы 1,5 млн. человек. Британские колониальные войска воевали на Ближнем Востоке и в Европе, во французскую армию только в 1916 г. было призвано 500 тыс. африканцев. Однако в России, в условиях нарастающего кризиса власти, центральное правительство постепенно теряло контроль над администрацией национальных регионов. Коррумпированная администрация Туркестанского края, состоящая в основном из местных богатеев и баев, решила переложить всю тяжесть новой повинности на сельскую и городскую бедноту. Это вызвало народное возмущение.

Восстание вспыхнуло 4 июля 1916 г. в городе Ходженте (Таджикистан). Вскоре оно распространилось на Самаркандскую, Ферганскую, Сырдарьинскую, Тургайскую, Семипалатинскую, Семиреченскую и Уральскую области с более чем 10-миллионным многонациональным населением. 17 июля 1916 г. власти вынуждены были объявить весь Туркестанский военный округ на военном положении. Восстание развертывалось стихийно и приняло самые разнообразные формы: от ухода батраков с байских хозяйств и откочевок за границу до уничтожения призывных списков, нападений на чиновников и массовых вооруженных восстаний. Только в июле в Самаркандской области произошло 25 отдельных выступлений, в Сырдарьинской области — 20, в Ферганской — 86.

Наибольший размах восстание получило в Казахстане, в Тургайской области. Там восставшие, которыми руководил сын пастуха А. Иманов и большевик А. Джангельдин, в октябре 1916 г. даже осадили центр области г. Тургай. В конце ноября 1916 г. общая численность повстанцев достигла 50 тыс. человек. Только к началу 1917 г. властям удалось подавить восстание и отправить на тыловые работы около 120 тыс. человек. При этом

в Закаспийской области, где действовали отряды А. Иманова, восстание продолжалось до конца января 1917 г.

Февральская революция. К 1917 г. Россия по-прежнему оставалась в основном аграрной страной. 130 млн. человек проживали в деревне. Аграрный вопрос стоял острее прежнего. Он не был решен ни в ходе первой революции, ни столыпинской реформой. Рабочие стремились добиться лучших условий труда. Национальные меньшинства нуждались если не в независимости, то в более широкой автономии. Народ желал прекращения ужасной войны. Эта новая проблема усугубила старые. Население хотело избежать голода и обнищания.

Внутренняя политика правительства переживала глубокий кризис. За 1914—1917 гг. сменилось 4 председателя Совета министров; с осени 1915 г. по 1916 г. — пять министров внутренних дел, три военных министра, четыре министра земледелия. В ноябре 1916 г. князь Ф. Ф. Юсупов говорил: «Неужели никто не сознает, что мы находимся накануне ужаснейшей революции, и если государя силой не извлекут из заколдованного круга, в котором он находится, то он сам, вся царская семья и все мы будем сметены народной волной».

Возможность отсрочить гибель самодержавия правящие круги России видели в победоносном завершении войны с Германией. Под ружье было поставлено 15,5 млн. человек, из них — до 13 млн. крестьян.

Государственная дума указывала царю, что он губит Россию и самого себя. В Петрограде не хватало хлеба, в городе тянулись длинные очереди, дошло до того, что даже солдатам на фронте по несколько дней не давали есть. 14 февраля 1917 г. собралась Государственная дума и заявила, что правительство надо сменить. Рабочие хотели поддержать думу, но полиция разгоняла рабочих, как только они начали собираться, чтобы идти к Думе. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко добился приема у государя и предупредил его о том, что России угрожает опасность. На это император ответил: «Мои сведения совершенно противоположные». Он не обманывал, но обманывался сам, потому что министр внутренних дел распорядился, чтобы местные власти направляли Николаю II телеграммы о «безмерной любви» народа «к обожаемому монарху». Государь верил тем, кому хотел верить.

23 февраля 1917 г. рабочие Петрограда опять начали волноваться. На улицах собирались люди, останавливали трамваи и везде кричали: «Хлеба! Хлеба!». 23 февраля бастовало более 128 тыс. человек, 32 % всех рабочих Петрограда. По всему городу была расставлена вооруженная полиция. 24 февраля к бастующим присоединилось ещё 86 тыс. человек. Все

заводы прекратили работу, а на улицах собирались уже большие толпы. Разъезжали конные полицейские, жандармы, казаки, драгуны. К солдатам население относилось доверчиво, никто не верил, что они могут стрелять в народ. Больших столкновений в этот день не было, но уже, кроме криков: «Хлеба», раздавались: «Долой правительство!».

25 февраля число забастовщиков достигло 306 тыс. человек — 3/4 всех питерских рабочих. В ночь на 25 февраля царские власти решили принять меры, чтобы не допустить рабочих в центр города. С утра начались митинги и собрания во всех районах Петрограда. Рабочие окраин старались пробраться к центру, на Невский проспект. В объявлениях за подписью командующего Петроградским военным округом С. С. Хабалова говорилось, что рабочим дается два дня — 26 и 27 февраля — на обдумывание положения; если забастовки в столице продолжатся, немедленно в войска будут призваны новобранцы призыва 1917, 1918, 1919 гг. Вечером 25 февраля собрались вместе члены городской и Государственной дум. На заседании было решено образовать комитеты, распределяющие продукты.

26 февраля в Петроград были вызваны дополнительные части, и в ряде районов города произошли столкновения с полицией и войсками. Ночью царь подписал указ о роспуске Государственной думы. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко направил в Ставку к императору телеграмму 26 февраля: «В столице анархия, правительство парализовано. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно». 27 февраля рано утром М. В. Родзянко послал царю в Могилев вторую телеграмму: «Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно...». Царь не ответил ни на первую, ни на вторую телеграмму.

Ранним утром 27 февраля рабочие начали захватывать склады с оружием, разгромили главный арсенал, взяли Петропавловскую крепость. Петроградский гарнизон присоединился к восставшим. Солдаты при поддержке вооруженных рабочих захватили почту, телеграф, телефон. Солдат и рабочих, которые заняли Государственную думу, возглавили меньшевики-оборонцы, склонные к соглашательству с Думой.

28 февраля волнения в Петрограде усилились, к ним присоединились студенты Петроградского университета, Горного института. Восставшие организовали отряды народной милиции. На сторону революции перешел гарнизон Петропавловской крепости, экипажи кораблей.

В ходе февральских событий возникли два центра по руководству событиями: Временный комитет Государственной думы (11 членов Думы во главе с М. В. Родзянко) и Петроградский Совет рабочих депутатов во

главе с меньшевиком Н. С. Чхеидзе. Оба они разместились в одном здании — Таврическом дворце. М. В. Родзянко и Шидловский решили отправиться к Николаю II, но попытка получить для этой поездки разрешение Совета рабочих депутатов окончилась неудачей. Совет соглашался на поездку при двух условиях: во-первых, с ними едет председатель исполкома Совета Н. С. Чхеидзе; во-вторых, Совет соглашался на безусловное отречение, а не на передачу власти. В итоге поездка М. В. Родзянко и Шидловского не состоялась. А. И. Гучков, узнав об этом, сказал думцам: «Надо действовать тайно и быстро, никого не спрашивая, ни с кем не советуясь... надо поставить их перед фактом ... надо дать России нового государя...».

Между Временным комитетом Государственной думы — затем Временным правительством — и Петроградским Советом рабочих депутатов будут сложные отношения на всем протяжении от февраля до октября 1917 г., от их действий будет зависеть ход событий важного периода российской истории.

Временный комитет 28 февраля издал распоряжение, обязывающее солдат вернуться в казармы и подчиниться офицерам. В свою очередь Совет издал Приказ № 1, в котором говорилось об отмене титулования и отдачи чести в армии, недопустимости грубого обращения офицеров с солдатами, о выборности командиров солдатами (этот пункт потом был исключен). Главным в приказе № 1 было то, что приказы Временного комитета Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов. Буржуазия убедилась, что укрепить свою власть без поддержки Совета она не может. Совет в свою очередь не мог игнорировать комитет Госдумы.

Это послужило основой для их совместных действий. Было создано совместное совещание Временного комитета Государственной думы и Совета, на котором договорились о создании Временного правительства. Утром 28 февраля в Таврический дворец явился последний министр внутренних дел царского правительства А. М. Протопопов и сдался. Затем его вместе с другими министрами отправили в Петропавловскую крепость.

Император 28 февраля, не приняв никакого определенного решения, выехал из Могилева в Царское Село. Узнав, что гарнизон Петрограда признал власть Временного комитета Государственной думы, а царско-сельские войска присоединились к революции, он велел повернуть на Псков, где находился штаб Северного фронта.

В это время проблема конституционной монархии оказалась в центре переговоров между двумя комитетами: Думы и Совета. Для переговоров с Николаем II с согласия думского комитета в Псков поехали монархисты А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Они хотели спасти монархию или примирить революцию с царем. Вечером 2 марта А. И. Гучков и В. В. Шульгин встретились с императором.

Николай II при встрече сказал: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я неспособен. Вы это, надеюсь, поймете? Потому я решил отречься от престола в пользу моего брата Михаила Александровича». 3 марта великий князь Михаил Александрович также заявил о своем окончательном решении отречься от престола. После отречения он поселился в Гатчине, где жил до середины марта 1918 г., пока не был арестован большевиками, сослан в Пермскую губернию и там ими убит.

От Петрограда волны митингов и выступлений распространились по всей стране. После ареста всех царских министров, отречения царя Россия нуждалась в новом правительстве. В Таврическом дворце образовалось два центра, две власти — Временное правительство из кадетов и октябристов и Совет рабочих депутатов, куда входили представители революционной демократии, отражавшие соответственно два течения в революции: либеральное и революционное.

2 марта Временный комитет Государственной думы объявил о создании Временного правительства для восстановления порядка. Председателем Временного правительства и министром внутренних дел стал князь Г. Е. Львов, примыкавший к кадетам. Это был крупный помещик и убежденный монархист, заработавший широкую популярность не в качестве премьер-министра царского правительства, а как глава всероссийской земской организации. В состав Временного правительства вошли: П. Н. Милюков (лидер кадетской партии, министр иностранных дел, прозван «дарданелльским» за ярко выраженную программу продолжения войны и захвата Дарданелл); А. И. Гучков (лидер «Союза 17 октября», военный и морской министр, сторонник политики П. А. Столыпина, был председателем III Государственной Думы); А. И. Коновалов (текстильный фабрикант, министр торговли и промышленности, состоял в партии прогрессистов); Н. В. Некрасов (кадет, министр путей сообщения); А. А. Мануйлов (кадет, министр просвещения); В. И. Терещенко (министр финансов, крупнейший землевладелец и сахарозаводчик, внепартийный); В. Н. Львов (обер-прокурор Св. Синода, центрист); А. И. Шингарев (министр

земледелия, кадет); И. В. Годнев (государственный контролер, октябрист); А. Ф. Керенский (министр юстиции, эсер с марта 1917 г.; одновременно был заместителем председателя Петроградского Совета; аттестовал себя как представителя революционной демократии).

Февральская революция закончилась свержением самодержавия, созданием Временного правительства, установлением в стране двоевластия. Февральская революция началась в условиях Первой мировой войны, которая обострила и углубила имевшиеся проблемы и противоречия в политической, социально-экономической, национальной и других сферах жизни. Февральская революция стала попыткой найти выход из кризиса цивилизации. Создание двоевластия олицетворяло собой альтернативы дальнейшего пути развития России.

Библиотека БГУИР